

ЧЕЛОВЕК И МИР

Гуманитарная экспертиза

ЖИЗНЬ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ*

В.Г. ТОРОХОВ

Мощь техники часто иллюстрируют полетами в космос, постройкой гигантских электростанций и плотин, атомной бомбой, разрушающей целые города и т. п. И хотя, с одной стороны, техника отождествляется часто с самим прогрессом, поскольку позволяет нам решать те задачи, которые без нее не смогли бы решаться, с другой – она зачастую одновременно ведет к негативным социальным и экологическим последствиям, может использоваться одними группами людей против других и т. п. Кроме того, развитие и функционирование современной техники больше не рассматривается как дело узких специалистов, призванных осчастливить человечество. Поскольку же отдельные индивиды, целые социальные институты или общество в целом вынуждены принимать решения, касающиеся ее развития, часто не имея достаточных знаний о последствиях ее внедрения, современное общество постоянно сталкивается с проблемой технологических рисков. Основным отличительный признак современных технологических рисков состоит в том, что катастрофические последствия причиненного обществу вреда вызывают изменения в социальной системе в целом.

При расчете технологических рисков часто не учитывается, какое отрицательное воздействие сегодняшние рискованные инженерные действия или научные эксперименты могут оказать на последующие поколения людей. Причиной этому могут стать легкомыслие, халатность или злой умысел, освоение новых еще недостаточно изученных технологий или же рутинная деятельность по обслуживанию уже давно функционирующих технических систем. Все это накладывает свой отпечаток на оценку рисков. Необходимо принимать во внимание, что при использовании математических

* Статья подготовлен в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) «Социально-философские и методологические проблемы технологических рисков в современном обществе», грант № 12-06-00092-а.

вычислений учитываются лишь те отношения, которые доступны математической обработке, т. е. могут быть выражены количественно. Кроме того, определение вероятности того или иного события, которое может привести к аварии, затрудняется тем, что оно часто лежит за пределами познаваемого, а ее последствия измеряются не только в аспекте принесенного материального ущерба, как показали Чернобыльская катастрофа и авария на Фукусиме.

Чернобыль — это тема, которая не может отойти на второй план. Чернобыльский след — это предупреждение человечеству, как незаживающая рана, постоянно напоминает нам о том, что мы шагнули в новую эпоху глобальных техногенных рисков, способных стереть с лица Земли не только все человечество, но и жизнь вообще. Катастрофы, конечно, бывали и раньше, но они носили локальный характер. Испытание и применение ядерного оружия вывело науку и технику за пределы лабораторий и не только в Советском Союзе, что списывалось на тоталитарный режим, но и в демократической Америке, проводшей, например, в 1946 г. ряд таких испытаний на атолле Бикини, последствия которых ощущаются до сих пор. Стало невозможным закрыть свинцовой дверью государственной тайны то, что трагически изменило жизнь миллионов людей. Никакой «коммерческий интерес», господствующий в современном мире рыночной экономики, не может оправдать и того ущерба, который несут в себе некоторые «прогрессивные» технологии; реклама навязчиво сообщает нам лишь об их чудесных возможностях.

В своей статье «До и после Чернобыля» (1996) профессор Ханс Ленк назвал чернобыльскую катастрофу зловещим предзнаменованием ядерного века. «Человечество, — пишет Ленк, — больше не может изображать из себя страуса, засунувшего голову в песок, испугавшись надвигающейся на него лавины. Но оно не может и остановить эту лавину. Оно может только разумно ограничить себя, чтобы избежать худшего сценария, и с помощью имеющихся социальных, политических и технических средств попытаться осознать и преодолеть эту проблему в целом»¹. Но, как написано в предисловии к недавно вышедшей книге «Новые технологии в обществе», «без понимания истории нет и будущего», ведь это история не только свершений и побед, но и поражений и техногенных катастроф, ключевую роль в которых играет чернобыльская авария. Однако для человечества характерна поразительная способность забывать², поэтому задача философии — постоянно напоминать о том, что кроме прогресса и новых возможностей, современная техника таит в себе множество опасностей и рисков. В то же время задача философии заключается не в том, чтобы найти окончательные решения проблем, стоящих перед современным и будущим

человечеством, а в том, чтобы постоянно стимулировать их общественное обсуждение.

Мы больше не хотим, чтобы кто-то решал все за нас и вместо нас. Суть гражданского общества, которое еще только начинается складываться в России, и заключается как раз в том, что оно стремится учесть и услышать мнение каждого, а не просто подчинить меньшинство большинству или наоборот, особенно если это осуществляется с помощью насилия. Однако насилие может порождать только еще большее насилие. И здесь уместно привести слова инженера П.А. Пальчинского (председателя российского технического общества, расстрелянного по приговору коллегии ОГПУ) из его речи 17 мая 1921 г. «Роль и задачи инженеров в экономическом строительстве России»: «Всякий раз, когда жизнь подвергается насилию со стороны носителей власти, жизнь отвечает на это сопротивлением, теми уродливыми результатами, которые сейчас у всех на глазах... Существует жизнь, которую нельзя ломать только потому, что тот или другой авторитет или теоретик политической экономии сказал, а где-то и кто-то написал еще, что можно путем приказа, путем создания трудовых армий, близких к аракчеевскому строю, создать ценности, обращаясь с человеком, с его психологией, с его волей и духовной сущностью так, как обращаются с мертвым материалом... Без свободы передвижения, без свободы человека заниматься, чем он хочет, не может быть, конечно, и продуктивной работы. Всякое давление, всякий нажим, всякий приказ, всякое возведение в принцип знаменитого изречения Щедрина: «тащи и не пушай», может привести к исчезновению всякой творческой инициативы. На этой почве ничего построить нельзя».³

В данном случае риск рассматривается как особая «социальная технология», которая служит преодолению опасностей. Однако ожидание от таких социальных технологий того, что они способны сделать технологические опасности и катастрофы точно калькулируемыми, принципиально неверно. Они лишь предполагают широкий диалог создателей техники, ее потребителей, государственных структур и общественности, экспертов и тех, кого ее штатное или нештатное функционирование затрагивает или может затронуть в сложном процессе общественного взаимного обучения всех участвующих в нем сторон, формирования их коллективного взаимопонимания.

Чернобыль – это не какая-то проходная тема, а предупредительный знак – библейский МЕНЕТЕКЕЛЬ, слово, написанное невидимой рукой на стене во время пира вавилонского царя Вальтасара, под которым теперь проходит все наше существование, вся наша жизнь. Мы не можем, не имеем права отодвинуть эту проблему

технологических рисков современной глобальной цивилизации, забыть ее, как страшный, но ушедший в небытие сон, тем более, что сегодня, наконец, приоткрываются те страницы нашей недавней истории, которые скрывались до сих пор под завесой секретности. О них боялись или не хотели говорить, но теперь «срок подписки о неразглашении закончился» и нам становятся известными такие человеческие трагедии и судьбы, которые раньше было даже трудно себе представить. В советском обществе, например, вообще не было места для инвалидов. Даже герои-инвалиды и калеки, выжившие после Великой Отечественной войны, были сосланы на остров Валаам на Ладожском озере, а обсуждение этой темы было запретным. В таком же положении оказались многие жертвы советских техногенных катастроф, в том числе и чернобыльской. Но именно для таких тем не может быть срока давности. В этой ситуации очень важны появившиеся в печати личные свидетельства и переживания выживших очевидцев, а не только рассуждения политиков и экспертная оценка специалистов (хотя и они безусловно важны).

Один из таких очевидцев – ликвидатор Александр Васильевич Антонов вспоминает: «Этих людей отправляли на смертоносные чернобыльские просторы, не спросив их и недостаточно проинформировав их о возможных последствиях, многие из которых были вообще тогда никому не известны». Другие попадали в такие зоны повышенного риска в силу своих профессиональных обязанностей, как, например, Махмуд Мухамедзянович Рафиков, который работал в секретной киногруппе, снимавшей «для служебного пользования» ядерные испытания, часто рискуя своим здоровьем. В Российской газете за 12 января 2012 г. (№ 4. – С. 27) приводятся его слова: «Счетчики Гейгера были тогда только у японцев. Но когда меня прихватило всерьез – на испытаниях первой атомной подводной лодки в Северодвинске – я почти год по больницам валялся. Еле выкарабкался... Такая болезнь входила в понятие профессионального риска. Из полусотни режиссеров, операторов, звукорежиссеров, осветителей, которые работали по той же тематике, болели многие. Кто-то выздоравливал, конечно. Но в живых на сегодня я остался один». В отличие от ученых, инженеров, военных – этих неизвестных героев как бы вообще не существовало: «...я же работал на киностудии, а там не имели права даже догадываться о том, чем конкретно мы тут занимаемся, что снимаем. Значит, и представлять к наградам нашего брата было некому. Такая вот секретная чехарда получилась. До сих пор не разобраться». А разобраться все-таки надо, хотя бы для того, чтобы такая «чехарда» больше не стала возможной.

Ниже в подборке данного номера журнала приводятся мнения и воспоминания различных экспертов. Мнения их часто диаметрально противоположны. Но именно это открывает возможность дальнейшей дискуссии. Однако для нас важны и просто свидетельства очевидцев, поскольку проблема эта не только техническая, экономическая и научная, но и этическая, социальная и политическая.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Lenk H. Übergröße der Verantwortung? Vor und nach Tschernobyl // Ethika. 1996. №. 4. – S. 363 – 376.

² Neue Technologien in der Gesellschaft. Akteure, Erwartungen, Kontroversen und Konjunkturen. – Bielefeld: Transcript Verlag, 2011. – S. 9, 105, 111.

³ Центральный гос. архив Октябрьской революции (ЦГАОР) СССР. Ф. 3348, оп. 1, сд. хр. 695, л. 32 – 34.

Аннотация

Основной отличительный признак современных технологических рисков состоит в том, что катастрофические последствия причиненного обществу вреда вызывают изменения в социальной системе в целом. Чернобыль – это не какая-то проходная тема, а предупредительный знак. Мнения экспертов часто диаметрально противоположны. Но именно это открывает возможность дальнейшей дискуссии. Однако для нас важны и просто свидетельства очевидцев, поскольку проблема эта не только техническая, экономическая и научная, но и этическая, социальная и политическая.

Ключевые слова: технологические риски, Чернобыльская катастрофа, техника и общество.

Summary

The main distinctive feature of the modern technological risks is the globalization of their consequences. The disastrous effects for society produce changes in the social system in whole. The Chernobyl catastrophe is a warning sign. Expert opinions are often diametrically opposite. But it just opens the possibility for philosophical discussion. In this case eyewitness accounts are equally important, because this is not only a technological, economical and scientific, but also an ethical, political and social problem.

Keywords: technological risks, Chernobyl catastrophe, technology and society.